

Ольга
ОДИНЦОВА

сборник
мистических
историй

ПИКОВАЯ ДАМА,
ПРИДИ!

Ольга Одинцова

Пиковая дама, приди!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69166027

SelfPub; 2024

Аннотация

«Пиковая дама, приди!» – это книга мистических и сентиментальных историй о Москве XIX века и наших дней, о её жителях, легендах и привидениях, об ушедшем романтизме, спиритических сеансах и путешествиях во времени. Вы сможете прогуляться по бульварам и улицам Белокаменной и встретить на страницах сборника Михаила Булгакова, Николая Гоголя и даже таинственного учёного Якова Брюса, прославившего московским колдуном и масоном. Здесь прошлое переплетается с настоящим, а потустороннее – с историческими фактами. Точно так же, как тяга к неизведанному веками уживается с философией и религией в загадочной русской душе...

Содержание

Предисловие, идущее из детства	4
Музыкальная подборка для читателя	6
Пиковая дама, приходи!	8
Детская молитва, или Легенда о Скряге	27
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ольга Одинцова

Пиковая дама, приходи!

Предисловие, идущее из детства

Я сидела на липе. Нет, не так. Когда-то давно я не ходила в школу и беззаботно болтала ногами, сидя на толстой ветке липы, что до сих пор растёт у моего дома. Вид со старого дерева, по которому лазил ещё мой папа, открывался сразу на два дачных участка – наш и соседский. Итак, я наблюдала за несколькими гостями, которые копошились у соседей в саду. Они накрывали стол белой скатертью и расставляли тарелки, доставали из пакетов и сумок различные яства и напитки... Пока ко мне не направился один из гостей – с поседевшей прямоугольной бородой и в круглых очках. Уверенно он подошёл к липе и с интересом посмотрел на меня. Я же упорно делала вид, что не замечаю его и смотрю совсем в другую сторону. Но, видно, получалось не очень.

– Девочка, – обратился ко мне бородатый с совершенно неожиданным вопросом, – ты знаешь, кто я?

«Вообще, на геолога на пенсии похож», – подумала бы я сейчас, но тогда я их ещё не знала, потому лишь посмотрела на собеседника с нескрываемым подозрением. Не дождавшись от меня ответа, неопознанный геолог продолжил раз-

говор:

– Девочка, а я – бог! – резюмировал он. Я чуть с дерева не рухнула. Обескуражил дед – не то слово. А он только смотрел на меня и улыбался.

– Нет, – отвечаю я совершенно невозмутимо, – вы не бог.

– Почему ты так решила?

– А он по-другому выглядит! – выпалила я. Видимо, внешность геолога на пенсии в роли Бога мне была не по нраву. Я смутилась и слезла с дерева, чтобы не продолжать этот странный разговор.

Два десятка лет спустя после того случая я посмотрела фильм Эльдара Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви». В начале киноленты есть похожий эпизод общения маленького Ганса Христиана с Богом (которого, кстати, превосходно сыграл Вячеслав Тихонов, а не какой-нибудь «геолог на пенсии»). Увидев эти кадры, я удивилась, потому что тут же вспомнила собственную схожую историю из детства.

И тогда у меня мелькнула мысль. А вдруг и впрямь... не геолог вовсе?

Музыкальная подборка для читателя

Приятного прослушивания и чтения!

Кукрыниксы – Чёрная невеста

Король и Шут – Мадам Жоржетт

Евгений Дога – Дорога

Александр Суханов – Белый снег в тишине...

Олег Медведев – Не заходи за черту

Микаэл Таривердиев – Снег над Ленинградом

Алексей Рыбников – Тема из фильма «Андерсен. Жизнь без любви»

Алексей Бардин – Ангел и Бес

Исаак Шварц – Белые ночи

David Newman – The Russian Test

The Blasting Company – Adelaide's Trap (Over the Garden Wall)

L'Orchestra Cinematique – Merry-Go-Round of Life

Михаил Горшенев – Соловьи. Утро

Данила Тюльпаков – Утренняя суета

Brainstorm – На запе

SALTNPAPER – Satellite

Zbigniew Preisner – Damage Fatale Live

Franz Gordon – The Art Teacher

Александр Суханов – Я прощаюсь первым...

ГОРШЕНЕВ – Финал

...продолжение плейлиста «Пиковая дама, приходи!» можно найти в группе автора ВКонтакте по адресу: vk.com/odintsovawriter

Пиковая дама, приходи!

Мы с друзьями вышли из столовой после сытного обеда и лениво прохаживались по огромной территории пансионата. Шла четвёртая неделя нашего пребывания здесь, поэтому все игры уже успели надоесть. Наша шумная компания детей и подростков, то расходилась, то собиралась вновь, чтобы поделиться друг с другом то ли новостями, то ли очередными глупыми шутками. Все пытались как-то развлечься, придумать что-нибудь новенькое и необычное.

Как-то раз одиннадцатилетняя Света с волосами цвета льна и ярко-голубыми глазами, прятавшимися под ровной чёлкой, подошла к нам и спросила тоном, не предполагающим отказа:

– А давайте устроим спиритический сеанс? Есть тут кто-нибудь, кто знает, как это делается?

Ребята приосанились. Маленький худощавый Гоша, который никак не выглядел на свои тринадцать лет, подал голос:

– Аня Горбушкина знает. Пошли к ней?

Всей оравой мы поднялись на третий этаж, постучались в номер, где жила Аня с родителями. Дверь открыла низенькая одиннадцатилетняя девочка с большими глазами и длинными ресницами. Её тёмные волосы были обёрнуты махровым баннным полотенцем. Она недавно вернулась с занятий по плаванию.

– Вам чего? – удивлённо хлопая ресницами, спросила Аня.

– Ань, ты духов вызывать умеешь?

– Да, было дело. Правда, только пиковую даму... А вам зачем?

У ребят сердца забились сильнее, щёки запылали в ожидании чего-то необычного, что уже заранее леденило им душу.

– Мы тут вызвать кого-нибудь из духов хотели, но никто из нас раньше этого не делал. Поможешь?

Аня с подозрением оглядела нас. Однако, подумав несколько секунд, выдохнула и согласилась.

– Подождите меня немного, я голову высушу. Можете пока тут побыть, родители ушли на прогулку.

Орава мальчишек и девчонок вошла в просторный трёхкомнатный номер. Подростки бросали неловкие, а порой и завистливые взгляды на комнаты, кровати, диваны и плазменные телевизоры – все в количестве, превышающем один экземпляр. Заметно было, что Аня чувствовала некоторое превосходство над своими приятелями, потому передвигалась лениво, томно опустив пышные ресницы, придавая себе тем самым важный вид.

Через пятнадцать минут она положила фен и расчёску на прикроватную тумбочку и повернулась к ожидавшим её гостям.

– Так, смотрите, что нам нужно... У кого-нибудь зеркало

есть? У меня только одно более-менее подходящее.

– Вот такое подойдёт? – Света вытащила из крохотной розовой сумочки круглое зеркальце.

– Нет, оно слишком маленькое.

Все призадумались, где же достать крупное зеркало.

– Слушайте, да чего мы теряемся-то? В цоколе ведь есть дамская комната, которая не работает ещё, помните? Там зеркало, правда, пыльное, но можно и протереть.

– Отличная идея! – воскликнула Аня, достала из косметички помаду и показала её остальным. – Вот! Этим мы нарисуем на зеркале лестницу.

– Лестницу? Какую ещё лестницу? – спросил Гоша.

– Как какую? Для пиковой дамы, конечно. Ты что, совсем ничего не знаешь?

Гоша лишь стыдливо пожал плечами в ответ. Остальные молча опустили глаза. Они тоже не знали ничего о вызове пиковой дамы. Я хотя и знала, но выделяться не стала. Ну, на всякий случай.

– Так, понятно всё с вами. Пошли.

Аня ещё раз оглядела трёхкомнатный номер, чтобы убедиться, не забыла ли она что-нибудь нужное для ритуала.

– Тьфу! Я сейчас! – девочка метнулась в соседнюю комнату к своей кровати и откуда-то из-под матраса достала новенькую колоду карт.

– Не хватает только свечей... У кого есть парочка?

Свечей ни у кого не было. Тут Света тряхнула чёлкой и

спросила:

– А спички подойдут?

– Ну, ладно, – Аня приняла задумчивый вид, – раз свечей нет, пусть хоть спички будут.

– Я у мамы стяну, – решительно заявила маленькая блондинка, заметив на себе вопрошающие взгляды ребят. Аня одобрительно кивнула.

– Тогда встретимся внизу, в холле. Мы будем тебя ждать. А я как раз расскажу всем, чего нельзя делать при вызове пиковой дамы, – учительским тоном произнесла Аня.

Света тут же ринулась в свой номер этажом ниже. В это время мы уже спустились в холл и разместились на старых диванчиках, в которых даже наши лёгкие детские тела утонули, словно в пуховой перине.

Аня встала перед нами и начала проводить так называемый инструктаж. Вскоре прибежала Света, где-то откопавшая несколько свечей.

– У нас не оказалось, но тётушка-охранница дала, – с довольной улыбкой она протянула Ане две новенькие белые восковые палочки с загнутыми фитилями.

– Отлично! Значит так: во-первых, нам нужно будет проделать всё в темноте и без лишних глаз. Гоша будет стоять на шухере.

Мальчик, услышав своё имя, встрепенулся:

– А чего это сразу я? Пусть Артём стоит, – кивнул он на пухлого и всегда улыбчивого брата. Тот, как обычно, молча

и загадочно улыбаясь, поднял ладони вверх и выставил их вперёд, как бы говоря «чур не я!»

– Во-вторых, – не обращая внимания на мальчиков, Аня продолжила свой мистический инструктаж, – вас слишком много! Пиковая дама не станет появляться перед такой толпой.

Все присутствующие раздосадовано промычали.

– Может, нам вдвоём пойти? – тут же вступила в дискуссию неугомонная Света.

– Ну, не-е-ет! Светка понапридумывает потом всякого, чего и не было вовсе. Как всегда! – скрестил руки на груди Гоша, явно недовольный, и показал девочке язык. Та некрасиво искривила лицо, высунув свой в ответ.

– Нет, вдвоём всё же страшновато. Вдруг она нас утащит или проклятье какое-нибудь наложит... – всерьёз задумалась Аня, отчего наша компания юных медиумов серьёзно напряглась. Позже, чего греха таить, – я вышла из этого спиритического круга первой, как только стали решать, кто пойдёт вызывать пиковую даму, а кто останется ждать наверху.

– Ребята, я пас, – подняв ладонь, словно белый флаг, я, без капли стыда и зазрения совести, тут же почувствовала возвращающееся спокойствие души. Однако, на удивление, каждый из ребят меня понял и кивнул, приняв моё решение с уважением. Сразу же за мной отказался и Артём. Чуть позже я с непонятным внутренним волнением наблюдала, как он отговаривал от участия в вызове пиковой дамы своего

брата. А ещё позже – как ходил кругами по холлу в ожидании его возвращения вместе с остальными участниками обряда.

В итоге мы проводили Аню, Свету и Гошу на цокольный этаж, который все между собой называли «подвалом», словно это придавало некий шарм полузаброшенному помещению. Мальчик, шедший последним, прикрыл за собой дверь, и в смыкающейся щёлке мы увидели его хулиганскую ухмылку.

Я вернулась и села на диван, Артём же не мог усидеть на месте – так сильно он переживал за брата. Это было видно и по его рукам, которые то нервно дрожали, то сжимались в кулаки, то сцеплялись между собой в замок. Мне было одновременно волнительно за Артёма, и так же радостно было за Гошу – ведь не у всех такие любящие братья.

В трёх словах – мы напряжённо ждали.

Тем временем подростки были в тёмном подвале. Свет туда проникал только через щели над входной дверью и под ней. Гоша, как и предполагалось, стоял на шухере. Света и Аня зашли в дамскую комнату, где всюду лежал строительный мусор. Ремонт здесь ещё не был закончен, но зеркала, частично обёрнутые рваным полиэтиленом, уже висели на своих местах. Девочкам пришлось потратить некоторое время на то, чтобы на зеркале ничего не висело и не мешалось.

Рядом стояло ведро и щётка для мытья полов, которые здесь оставляли уборщицы после рабочих смен. Тут же Аня обнаружила и тряпку, которой хотела протереть зеркало от

пыли. Девочка открыла кран, но вода не потекла, видимо, была перекрыта. Пришлось вытирать зеркало сухой тряпкой.

– Вы долго там ещё возиться будете? – спросил Гоша, делая вид, что зевает от скуки.

– Тихо ты! Не мешай, мы скоро начинаем. Следи лучше за дверью, чтобы никто не вошёл! Ну, и за нами тоже... на всякий пожарный, – с тревогой в голосе сказала Аня.

Гоша продолжил наблюдать за происходящим. Его сердце забилось сильнее, когда он увидел, что девочки уже зажгли свои огоньки.

– На, поддержи мою, я вытащу карту, – Аня передала подруге свечу, достала в темноте колоду из небольшой прямоугольной коробочки и приблизила её к свету, чтобы отыскать нужную карту.

– Вот она! – шёпотом произнесла Аня, достав из колоды даму пик.

Света нервно сглотнула. Она чувствовала, что начинается некое таинство. Девочки на секунду прислушались к тишине. От неё немного закладывало уши и начинали мерещиться звуки, вроде чьих-то шагов или таинственного шёпота... Учащённое дыхание и стук сердца мешали им обоим.

– Ты всё помнишь, о чём я тебе говорила?

– Три раза произнести имя, закрыв глаза, потом задать вопрос... – огоньки у свечей задрожали.

– Да, и не забудь – нам нужно успеть стереть ступеньки с зеркала, если её фигура побежит к одной из нас, иначе...

– Я всё поняла, – отрезала и без того бледная Света, не дав подруге договорить.

– Тогда начинаем.

Аня достала из кармана джинсов губную помаду, затем начала рисовать ею на зеркале тринадцать ступеней, начиная с нижней, как бы самой ближней к ним. Дорисовав лестницу, она мельком обернулась на Свету, будто бы ища в её испуганном лице поддержки. Девочка дрожала от страха, и теперь это было видно не только по свечам, горящим в её руках. Однако пути назад уже не было. Увидев на себе взгляд подруги, она с трудом уняла дрожь и произнесла:

– А дверь?..

– Ты готова? Тогда я рисую дальше...

Аня отвернулась и продолжила выводить помадой изображение: над лестницей с тринадцатью кривенькими ступеньками появилась дверь, а на ней, ровно посерединке у левого края, последним штрихом появилась слегка изогнутая ручка.

– Дай мне свечу. Теперь берись за карту, как я. Закрой глаза, и начинаем вызывать.

Света кивнула. Девочки закрыли глаза. Свечи в их руках тихо горели, пламя было ровным, ничто не нарушало его спокойствия. Гоша, увидев полную готовность девочек, напрягся в ожидании. Холодный пот предательски выступил на лбу. Гоша услышал неровный, но синхронный выдох девочек и их дрожащие голоса, которые мерно, но настойчиво

произносили хором:

– Пиковая дама, приди!

Небольшая пауза. Тишина. Вроде всё спокойно.

– Пиковая дама, приди!

Внезапный треск свечи заставил Свету приоткрыть один глаз. Неровное свечение от свечки отражалось на её бледном лице. Огоньки начали чадить. От свечей с треском стал подниматься в воздух чёрный дым. Нервно задрожали руки обеих девочек.

– Пиковая дама, приди! – прозвучали в третий раз их голоса, в нервном напряжении срывающиеся на писк. Света и Аня стали вглядываться в лестницу на зеркале, освещаемом двумя дрожащими огоньками.

Маленький чёрный силуэт, словно тень, быстро скользил вниз по нарисованным ступеням по направлению к ним. В ту же секунду девочки завизжали от ужаса. Свечи погасли, словно их задул сильный ветер, оставив участников спиритического сеанса в крошечной тьме. От обугленных фитилей в помещении резко запахло дымом. Девочки тут же выпустили из рук восковые свечи, как будто именно в них содержалась нечистая сила. Те упали на пол с глухим стуком.

Мы с Артёмом услышали их крики и тут же побежали к подвалу. Оттуда пулей вылетела Света – с лицом, бледным, как снег. Как только она оказалась наверху, её ноги стали ватными и начали подкашиваться. Света бухнулась на диван,

еле дойдя до него. Она закрыла лицо руками и заплакала. Да так сильно, что плечи её тряслись, не унимаясь, словно в судорогах. Мы ещё долго не могли успокоить Свету. Когда же она смогла говорить, то, заикаясь и срываясь на крик, произнесла:

– Ник-ког-да б-больше!

После этой фразы мы все тоже побелели. Значит, она увидела что-то в зеркале? Или *кого-то*? Что её так сильно напугало?

К слову, Аня вышла из подвала практически сразу за Светой. Но она брела медленно, не глядя по сторонам, а куда-то в одну точку перед собой. Её взгляд был, как у зомби – пустой, отрешённый, а глаза – какими-то неестественно белыми. Аня тихо и молча прошла мимо нас. Мы окликали её по имени, но она никак не реагировала, словно была околдована или находилась под гипнозом.

Гоша тем временем вразвалочку вышел в холл последним. Было заметно, что он старался сохранять спокойствие, чтобы продемонстрировать друзьям высокий уровень самообладания. Завидев брата, Артём, так сильно волновавшийся, тут же сорвался с места и бросился обнимать Гошу. Тот его слегка оттолкнул, мол, «чего ты как девчонка? Со мной всё в порядке. Мне ещё пришлось свечи убирать и воск с пола оттирать». Но Артём всё равно был рад, что его брат вернулся невредимым со свидания с пиковой дамой.

Тут же откуда-то появились родители Светы. Увидев дочь

в таком ужасающем состоянии – бледно-зелёной, зарёванной и трясущейся – накричали на нас, что мы, якобы, обидели её, негодяи. Они грозились поговорить с нашими родителями (о чём, никто из нас так и не понял), если мы тут же не разойдёмся по своим номерам. В общем, нам всем пришлось ретироваться.

Аню мы с тех пор не видели. На ужине её не было. В номере, по сведениям Гоши, который жил в соседнем, тоже. В столовой, на вечернем кефире, мы постоянно подходили друг к другу, чтобы узнать что-нибудь о ней. Взрослые смотрели на наши перешёптывания с подозрением. Почему-то никто не бил тревогу. А девочка исчезла. Но никто из взрослых словно и не заметил.

Тем не менее, ближе к вечеру все ребята уже немного успокоились, решив, что Аня, вероятно, просидела всё это время в номере, просто мы не заметили, как она прошла. Гоша всячески опровергал эту версию, оправдываясь тем, что стучался к ней, но ни она, ни её родители так и не открыли ему дверь за весь вечер.

Мы честно старались не вспоминать то, что произошло днём. Надеялись, что эта история забудется, и Аня сама как-нибудь объявится. А ещё мы дружно оберегали Свету от возможных нервных потрясений, которых ей сегодня и без того хватило. Однако после ужина наш заботливый Артём, подружески приобняв девочку за плечи, спросил:

– Свет, а всё-таки... расскажи, что случилось? Что вы там увидели? Что тебя так сильно испугало?

Мы испепелили взглядом пухлого мальчика, но он одарил нас своей обезоруживающей улыбкой. Она была настолько мягкой и дружелюбной, что мы не стали на него ругаться.

– Я увидела тёмную фигуру... силуэт дамы в чёрном платье... она спускалась по нарисованной Аней лестнице на том зеркале. Но она делала это так быстро... словно летела прямо к нам! Я не смогла совладать со страхом и закричала. Дальше ничего не помню, я уже выбежала наверх. Вроде бы, Аня стёрла нарисованную лестницу... я заметила, что она возвращалась к зеркалу, поскольку не убежала сразу же со мной. Видимо, Аня вспомнила, что нужно успеть стереть рисунок, чтобы пиковая дама не сошла с зеркала и никого не утатила... Знаете, я читала, что тот, кто разозлит пиковую даму, или скоро найдёт свою смерть, или на всю жизнь останется одиноким. – Света нервно сглотнула на последних словах. Её бледно-розовые губы вновь задрожали.

Мы ахнули от услышанного. Пухлый мальчик тяжело вздохнул, разведя руками, мол, тут мы бессильны.

– Да ерунда это всё! И не было там никого... Я уверен, что вам показалось. Может это я дёрнулся, а на вашем зеркале моя тень и отразилась, а? – храбрился Гоша.

Света пожала плечами.

Потом к нам подбежал высокий темноволосый мальчик Ваня и, как-то странно подпрыгивая на месте, спросил:

– Слушайте, вы Горбушкину не видели?

Мы в очередной раз съёжились и помотали головами – мол, не видели.

– А это правда, что вы сегодня духов вызывали? – не уни-
мался Ваня, хитро блестя широкой белозубой улыбкой.

– Кто тебе наболтал такое? Ой, иди, Вань, иди... – Гоша подтолкнул мальчика в спину, чтобы тот поскорее ушёл.

– Ваня, подожди! Почему ты про Горбушкину-то спросил? – я остановила его вопросом, затаив дыхание.

– Так её все ищут! Вы что, не знаете? С обеда никто не видел, на ужине тоже не было. В общем, ладно, я пойду остальных поспрашиваю. Если увидите её, скажите мне.

Подросток развернулся и ушёл, слегка подпрыгивая. Мы все переглянулись. Света тут же воскликнула:

– Ну всё, ребята... её пиковая дама утащила! Это точно!

– Да ну тебя, Света! Вы же вместе вернулись! Ну, почти – Аня чуть позже вышла и прошла мимо нас. Ты что, не помнишь? – возразил Гоша.

Света мотнула головой. Она не помнила этого, потому что в тот момент сидела на диване и плакала, закрыв лицо руками. А потом её увели родители.

– Ты Аню видел? Будто это не она была вовсе! Как зомби... – подытожил Артём, оглядывая каждого из нас, ища поддержки своим словам. Все неуверенно кивнули.

Мы отправились на поиски Ани, предварительно разде-

лившись на группы. Обшарили все корпуса пансионата, всю территорию, даже пляж. Оставался только парк с густыми елями и клёнами. Все дорожки вели нас к водохранилищу. Но мы отсекали подобные мысли...

Ребята бегали по парку и звали Аню. Но её нигде не было. Уже смеркалось, и между ветвей деревьев многим начали мерещиться странные тени, словно за ними прячется человеческая фигура. Света уже утверждала, что увидела белый полупрозрачный силуэт среди деревьев, но мы ей, конечно, не поверили – после сегодняшнего шокирующего события ей могло привидеться всё что угодно. К тому же все знали, что она вообще по жизни большая выдумщица.

Уже и поздний вечер наступил, но Аню мы так и не нашли. Все здорово устали. Мы собрались на площадке перед корпусом, чтобы обсудить результаты поисков. Последней к нам подбежала запыхавшаяся Света.

– Ребята, побежали в парк! Петя сказал, что видел её там примерно полчаса назад. Я встретила его на выходе. Без вас не решилась туда идти – уже совсем темно...

Уже и правда было позднее время для некоторых из нас, поэтому за частью детей пришли родители. Итак, нас осталось трое: я, Света и Артём. И мы отправились в парк.

Зашли довольно далеко, пока откуда-то из-за деревьев к нам не явилась Аня собственной персоной. Мы были так шокированы простым появлением потерянной девочки, что чуть ли не до смерти испугались. Света дрожащим голосом,

в котором была слышна ещё и обида, спросила:

– Аня... ты где была всё это время?..

– Как где? – с какой-то странной невозмутимостью в голосе спросила Аня и посмотрела на нас, как на дурачков. Её лицо было неестественно белым.

– Мы искали тебя весь вечер... Ребята уже даже домой ушли, кого родители сами забрали, потому что так поздно было. Тебя все потеряли!

– Да ладно вам, никуда я не потерялась, – так же просто ответила Аня, как будто и вправду ничего не помнила или никуда вовсе не девалась. И, так ничего и не объяснив, направилась к корпусу, словно молчаливый призрак.

Света посмотрела на меня с широко раскрытыми глазами, я посмотрела на Артёма, а тот посмотрел Ане вслед и покрутил пухлым пальчиком у виска, хмыкнув.

– Вы что-нибудь поняли? Что это было? – обратилась к нам Света. Мы пожали плечами.

Следующее утро выдалось пасмурным и туманным. Ночью прошёл морозящий дождь, принёсший с собой осенний холод. На завтрак мы трое встретились молчаливыми и не выспавшимися. Настроения разговаривать не было. Мы чувствовали себя обманутыми – нам даже не посчитали нужным объяснить, что же произошло вчера. Только те дети, которые ушли по номерам раньше, расспрашивали нас о результатах поиска. Мы отвечали тихо и односложно. Где была всё то

время Аня, никто из нашей компании так и не понял. Утром мы её не увидели.

– Вы как хотите, а я уверена, что её душу пиковая дама забрала... или вовсе в неё вселилась! – испуганно прошептала Света.

– Говорят, она с родителями в ресторане на том берегу водохранилища была и с ними же вернулась в номер вечером, – вмешался в наш разговор Ваня, который снова подпрыгивал, подходя к нам.

Тут нас словно молнией ударило. Света робко спросила:

– Погоди, Вань, она же без родителей возвращалась...

– В смысле, без родителей? Их вчера вечером втроем видели, заходящими в холл, – откусывая яблоко, произнёс Ваня.

Света и Артём уставились на меня, а я на них. Мы побелели.

– А кого же мы тогда ночью в парке видели?..

Не сговариваясь, мы посмотрели в панорамное окно столовой с видом на парк. Что-то мелькнувшее в окне приковало наши взгляды. В следующую секунду мы уже сидели с раскрытыми ртами.

В тишине парка среди мокрых клёнов, елей и тумана, словно опустившихся на сырую землю облаков, невысоко над землёй, прозрачной тенью парила аккуратная женская фигура в викторианском платье. Откуда-то из-за спины она

достала резной зонтик, раскрыла его и тут же исчезла.

– Ребята! Это же пиковая дама... ушла!..

***

Потом мы рассказывали об увиденном остальным ребятам. Нам, конечно же, никто не поверил. Однако с тех самых пор никто из нас даже не пытался участвовать в спиритических сеансах, тем более, вызывать пиковую даму. С того лета дети передавали из уст в уста легенду о даме в викторианском платье, которая появлялась дождливым утром между деревьям старого парка на территории пансионата, и, говорят, что несколько раз её даже видели другие подростки. Но кто им поверит?.. Разве только тот, кто сам увидел нечто подобное в одно дождливое и туманное утро. И тот, кто больше никогда в жизни не станет повторять больше двух раз подряд мистическую и страшную фразу: «Пиковая дама, приди!»

Детская молитва, или Легенда о Скрыге

Середина XIX века

Очаровательная русоволосая девочка сидела в гостиной у пышной ёлки, источающей невероятный аромат приближающегося праздника. В этом году Вера ждала его прихода с особым трепетом.

Девочка перебирала коробки в ярких упаковках, перевязанных пышными разноцветными лентами и бантами, проверяла имена адресатов на каждой. Были здесь и небольшие красочные конверты, предназначавшиеся для старушки-няни, лысоватого камердинера, плотного повара и двух смешливых горничных, – с внеочередным жалованием. Нужно сказать, что в этом большом и уютном, богатом, хотя и весьма сдержанном в своей роскоши доме было принято дарить подарки всем и каждому – будь то родственники и друзья, приглашённые на празднество, или же прислуга, потому что относились здесь ко всем исключительно уважительно, даже, можно сказать, по-родственному тепло. За то и были любимы хозяева всеми, кто имел отношение к этому дому. Потому и во всех комнатах и коридорах было чисто, пыль стиралась горничными без напоминаний, так, что камердинеру за-

частую не приходилось следить за выполнением работ, разве что в особенно важные для семьи даты. И жизнь в этом доме шла размеренно и счастливо.

На Веру из-под пышных ветвей глядели две самые крупные коробки. В них были сладости, приобретённые в самом известном кондитерском магазине «Эйнемъ» тайком от родителей через камердинера Парфёна. Шоколад, конфеты с самыми разными начинками, марципаном, нугой и цукатами – они предназначались родителям Веры. По большей части, конечно, маме – та была такой сладкоежкой, что даже сама девочка этому поражалась, она нечасто видела, чтобы взрослые и с виду серьёзные люди с таким нескрываемым удовольствием уплетали конфету за конфетой.

Поскольку Вера готовила сюрприз родителям с помощью камердинера, то считала, что он сохранял это в большой тайне. На самом же деле все в доме прекрасно знали, на что уходит каждый год сравнительно небольшая сумма денег, записанная в финансовых расходах за декабрь отдельной строкой. Но эта деталь держалась от маленькой Веры в строжайшем секрете – уж очень девочка любила делать сюрпризы, видя каждый раз после этого счастливые лица родителей. Впрочем, никогда не забывала она и про небольшие сувениры для слуг, которых с раннего детства считала частью семьи, порой даже более близкой и родной, чем часть дядьёв и тёток.

Верочка взяла в руки коробку, обёрнутую в ярко-красную

подарочную бумагу, предназначавшуюся маме, Анастасии Фёдоровне. Она аккуратно затянула потуже атласную ленту и поставила обратно под ёлку. Туманом стали застилаться её голубые глаза – девочка так долго не видела родное мамино лицо.

Анастасия Фёдоровна уже длительное время была тяжело больна и находилась под присмотром лучших докторов Москвы. Вера часто докучала расспросами о маме нянечке, горничным и Парфёну, чего, однако, никогда не могла позволить себе в отношении отца – она видела, как сильно переживает папа, а потому пыталась справляться со своей печалью самостоятельно. Няня же в ответ на её многочисленные любопытные расспросы, «когда же вернётся домой маменька» и «будет ли здорова и весела она как прежде», старалась находить нужные слова, чтобы утешить девочку. Старая няня пыталась помочь ей обрести то, что было заложено в самом её собственном имени – Вера. Возможно, не всегда это получалось, впрочем, с течением мучительных и таких долгих для неё месяцев пока мама была в больнице, девочка стала понимать важность этого слова. Вернее – чувствовать.

В гостиную тихо вошла горничная Аня, которая была девочке почти как старшая сестра, с украшениями для ёлки в руках. Вера подобрала подол своего платья, чтобы та случайно на него не наступила – вокруг ёлки оставалось уже слишком мало свободного места из-за обилия красочных упаковок под ней. Вдвоём они продолжили наряжать ёлку новень-

кими игрушками, которые Павел Сергеевич, отец Веры, заказал по выбору дочери в стеклодувной мастерской.

Глухо стукнула входная дверь, и в дом проник морозный воздух. Девочка подёрнула озябшими плечами, тут же вскочила, как бы опомнившись, и побежала в прихожую, трясая густыми русыми локонами.

– Папа!

Не успел Павел Сергеевич снять шубу с пышным меховым отворотом, как Вера с разбега бросилась в объятия к отцу. Тот расцеловал дочь в обе щёки.

– Холодный, холодный же, папа! С мороза! Нос весь красный! – засмеялась девочка, закрывая глаза и утыкаясь лицом в мех, который нёс в себе запах настоящей русской зимы и тающие снежинки, уже превратившиеся в прозрачные льдинки. Вера так любила это время!..

Сразу за отцом в прихожую вошёл камердинер. Он принял у Павла Сергеевича верхнюю одежду и тут же приказал горничным подавать ужин.

– Папа, мы с Анечкой ёлку начали украшать теми игрушками, что ты заказывал, помнишь? Сегодня их принесли! Ты хочешь посмотреть? Они такие красивые, я никогда не видела таких прежде! – пара горящих нетерпением глаз уставилась на Павла Сергеевича.

Они отправились в гостиную. Вера с упоением рассказывала отцу и горничным о ёлочных украшениях из толстого зеркального стекла, которые они держали сейчас в руках од-

ними из первых в Российской Империи. Случилось это благодаря большому другу Павла Сергеевича по коммерческим делам – владельцу стеклодувного производства в Москве, который прислал перевязанную лентами коробку с увесистыми шарами, усыпанными яркими разноцветными блёстками, и письмо, предназначавшееся Вере. Что это был за волшебный момент, от которого перехватывало дыхание!

Однако чего-то на ёлке недоставало. Тогда отец подхватил тоненькую девочку на руки, чтобы та повесила на макушку ёлки белую Вифлеемскую звезду. Вера радостно захлопала в ладоши:

– Как мне нравится, папа! У нас такая красивая ёлка!

Павел Сергеевич улыбался, и вдруг, обхватив девочку руками покрепче, стал кружить её по комнате, и Вера смеялась всё громче и громче. Она чувствовала себя такой счастливой!

Ещё бы мама вернулась из больницы...

– Осторожно, Павел Сергеевич! Подарки прямо у Вас под ногами! Не подавите! – испуганно воскликнула горничная Аня, едва войдя в гостиную. На сегодняшний вечер она оставалась без помощи второй горничной, которая по возвращении Павла Сергеевича отпросилась поехать в деревню к родственникам, чтобы успеть к Рождеству.

В этом радостном моменте голова уже закружилась и у папы, и у дочки, и они упали в мягкое кресло рядом с ёлкой, смеясь. Вера быстро подскочила и устроилась на коле-

нях отца поудобнее, обняла его и приложила ухо к груди – она слышала, как быстро колотится его сердце.

– Фух, закружила ты меня, дочка! – смеялся Павел Сергеевич, пытаясь отдышаться.

Горничная, глядя на семейную идиллию, улыбнулась и опустила глаза, затем, теребя руками передник, произнесла:

– Павел Сергеевич... Верочка интересуется, да и мы все переживаем очень... скоро ли хозяйка наша вернётся?

Отец Веры в тот же миг стал серьёзен:

– Доктор сказал мне, что к Рождеству она поправится, и мы сможем забрать её домой, обеспечив ей восстановительный уход, разумеется. Он сказал, что пришлёт записку. Думаю, с минуты на минуту может прийти человек от него... Послушай, Вера, – обратился он к дочери, когда горничная продолжила вешать на ёлку последние украшения, – вчера меня пригласили в салон графини Данилевской. Ты помнишь её? Они с супругом были у нас незадолго до болезни твоей мамы.

– Помню, папенька... почему спрашиваешь?

– Как тебе нравится – они желают непременно сегодня устраивать спиритический сеанс! Только подумать – сегодня! Я, разумеется, отказался от такой забавы перед самым Рождеством. Считаю, что это уже чересчур...

– Конечно, Павел Сергеевич, грешно это! Как можно! – воскликнула неожиданно для самой себя Аня, поймав на себе вопрошающий взгляд Павла Сергеевича, как бы ожидав-

ший одобрения всех присутствующих, развела руками и затем перекрестилась.

– Папа, я считаю, что ты правильно отказался. Няня говорила, что нельзя это...

– Моя радость, хотя бы ты меня поддержала! А вот остальные моего отказа и не поняли будто. Представь, и сама графиня Данилевская назвала сеанс «глупой сказочкой», вовсе ничего не значащей. Ей хочется развлечений, скучно ей, вообразите только! Один лишь граф и вошёл в моё положение и в отличие от своей супруги осознал всю ситуацию гораздо быстрее. Эта, по её выражению, «сказочка», может слишком дорого обойтись всем участникам постановки на подмостках её салонного театра... – Павел Сергеевич задумчиво посмотрел куда-то в стену напротив, затем перевёл взгляд и снова случайно встретился глазами с горничной. Та тут же закивала, как бы подтверждая его слова. А вот дочь молчала.

– Ты ведь понимаешь, о чём я говорю, Вера?

Вера понимала его, но не полностью. Одно она знала точно – его боязнь за маму, вероятно, уже переходила все рамки его прежнего спокойствия и разума. Пожалуй, даже слишком. Впрочем, Вера также наивно считала, что один взятый на себя не вовремя грех, даже самый на вид пустячный, может повлиять и отяготить разрешение любой жизненной ситуации – и отнюдь не в твою пользу.

Её размышления прервал камердинер, быстрым шагом вошедший в комнату. От этих уверенных и по-страшному

спешных шагов Парфёна Вера почувствовала нарастающее гнетущее волнение в душе, которое не предвещало ей ничего хорошего.

На подносе в руках у Парфёна лежал белый лист бумаги, свёрнутый в три раза – Вера так нервничала, что время словно застыло, и она успела сосчитать каждый сгиб бумаги, пока отец разворачивал записку.

– Это от доктора? Мы можем забрать маму домой прямо сейчас? – вскочила Вера.

Павел Сергеевич поднялся с кресла, пытаясь спрятать лицо от дочери. Надо сказать, что любые волнения души этого человека всегда были видны окружающим, о чём он прекрасно знал. Спрятать эмоцию перед надеявшейся на исцеление больной матери дочерью он не смог и сейчас. Его лицо стало мрачным, и от недавней беспечной улыбки не осталось и следа. Оно словно окаменело.

– Парфён, вели запрягать. Едем сейчас же, – обратился он к камердинеру каким-то не своим, «железным» голосом, который никогда раньше никто из прислуги не слышал.

Камердинер многозначительно переглянулся с горничной и быстро вышел из гостиной.

– Вера, я должен с тобой поговорить, – Павел Сергеевич повернулся к дочери и присел перед ней на корточки. Теперь девочка смотрела на отца сверху вниз, и он на миг показался ей таким же маленьким, запуганным существом, как и она сама. Но такого быть не могло, это же папа. Вера испугалась

вида его взволнованных глаз. Её мысли тут же наполнились худшими картинами.

Павел Сергеевич сообщил дочери о том, что состояние её матери резко ухудшается, и призвал девочку быть стойкой и почаще молиться – тогда, быть может, «Господь смилостивится над нашей мамой и поможет ей».

Вера и в прежние времена слышала от горничной, что детская молитва – она сильнее всех. А старушка-няня к тому же повторяла ей беспрестанно фразу из Священного Писания: *«По вере вашей да будет вам»*. С тех пор Вера в особенных случаях, относившихся к её родным и близким людям, горячо молилась. И всякий раз это помогало. Лишь за редким исключением, когда у Бога был один-единственный уготованный план для конкретного человека – особая миссия, которая мало кому поначалу кажется понятной. Но с течением времени всё становится на свои места, понимается и Божье предназначение, и Его замысел...

Так с самого раннего детства говорили Вере, и она старалась мириться с теми решениями Всевышнего, с которыми не была согласна. Когда же дело коснулось её дорогой, единственной, горячо любимой мамы – девочка не могла совладать с собой, и её глаза наполнялись крупными слезами, которые из маленьких бусинок мгновенно «надувались» в большие, словно воздушные, шары, а затем будто лопались, устилая собой влажные линии ресниц. Вера стояла посередине комнаты, как оглушённая новостью, и не могла понять

того, о чём ей сейчас говорит отец. Наконец она стала улавливать обрывки фраз и слов. Отец просил горничных приглядеть за Верой, пока он будет в отъезде.

Девочка так и стояла, застыв на месте, не двигаясь. Вокруг все забегали. Лишь когда Павел Сергеевич спешно и на ходу надевал свою шубу, проносясь мимо дочери к выходу, та вдруг сказала:

– Я еду тоже!

Все перестали собираться, остановились и посмотрели на растерянную девочку, стоявшую посередине комнаты, как на брошенного котёнка.

– Вера, дорогая, мы ведь уже поговорили с тобой об этом... Это исключено, – вновь присел перед дочерью на корточки отец. Теперь полы его шубы опустились на ковёр. – Послушай, доктор будет против таких визитов... К тому же я не знаю, как скоро предстоит вернуться, а время уже к вечеру – тебе положено соблюдать распорядок дня и готовиться к Рождеству вместе со всеми... Я оставляю тебя за хозяйку.

– Но папа! – прервала Вера. За спиной отца девочка уже заметила ожидающего камердинера с её верхней одеждой в руках. Он прятал хитрые глаза, которые выдавали и его улыбку. Парфён хорошо знал и добродушный характер хозяина дома, и то, что он не сможет отказать дочери в её просьбе.

Взгляд Павла Сергеевича устремился в красные и слегка припухшие глаза дочери, только-только переставшей пла-

кать.

– Вера, не нужно на меня так смотреть, словно... словно я изверг какой! – Павел Сергеевич мотнул головой, сделал короткую паузу, помолчал и выдохнул: – Да что мне с тобой делать... Хочешь ехать?

Девочка закивала, и её лицо словно просветлело от надежды.

– Смотри, Вера, уже стемнело и начинается метель...

Дочь опрометью бросилась в свою комнату и взяла с постели куклу, подаренную ей мамой на пятый день рождения. Вера прижала её к груди, погладив по тёмным волосам, затем вышла в прихожую, где Парфён помог ей надеть утеплённое бархатное пальто с накидкой. Девочка поочерёдно засовывала маленькие кулачки в рукава, перекладывая куклу из одной руки в другую.

Они отправились в путь. Дорога им предстояла не сказать, чтобы очень долгая... однако что-то пошло не так. Павел Сергеевич и Вера сидели в крытом четырёхместном экипаже и глядели по разные стороны. Вскоре задумчивый взгляд девочки опустился на куклу, которую она крепко держала в руках не выпуская, словно бы это сейчас была для неё самая большая драгоценность. На московских улицах было уже темно, городские фонарщики давно выполнили свою работу, и на фоне горящих огоньков вдоль главных улиц Первопрестольной можно было разглядеть хлопья снега, которые не успевали опускаться на щедро заснеженные ещё с

конца октября булыжные мостовые, и носимые ветром, они взмывали вновь к небесам, словно просясь обратно ввысь. Поднялся страшный ветер.

Изредка Павел Сергеевич в беспокойстве поглядывал на дочь, в остальном же – они молчали. Лишь однажды и в течение продолжительного времени отец слышал срывающийся с губ дочери быстрый шёпот, обращённый вовсе не к нему. Вслушиваясь в её слова внимательнее, он понял, что дочь беспрестанно молится, трепетно прижимая к груди куклу. Делала она это порой и с закрытыми глазами, давая себе возможность как можно больше сосредоточиться на молитве – чтобы этот «механизм» точно и бесперебойно сработал. Это вместе с тем успокаивало её, в то время как на щеках отца в тускловатом отсвете уличных фонарей желваки бегали, как беспокойные морские волны. Увидев их, девочка вновь закрывала глаза в горячей молитве.

Тем временем метель только усиливалась – и кружила, и мела...

Конный экипаж, несмотря на сугробы, в несколько мгновений вырвавшиеся на глазах у прохожих, двигался по московским мостовым бодро, словно бы кто-то тянул его на невидимой верёвочке вслед за собой, как детскую игрушку. Однако спустя некоторое время он остановился, сильно качнувшись, будто верёвочка эта оборвалась.

Павел Сергеевич произнёс:

– Вероятно, мы прибыли?

Мужчина окликнул кучера. В ответ тишина. Кликнул ещё раз. Снова тишина. Более того, не слышно было даже гула или малейшей сутолоки предпраздничных вечерних московских улиц. Одно только завывание ветра. Павел Сергеевич, предчувствуя что-то недоброе, вышел из экипажа и, едва ступив на заснеженную землю, онемел. Козлы были пусты, а лошадей... не было вовсе.

– Что... что это такое?! – Павел Сергеевич всматривался в то, что осталось от конного экипажа, и не увидел ничего из того, что ожидал здесь увидеть – ни кучера, ни лошадей не было.

Вслед за отцом вышла и Вера, ступив тоненькими ножками на мягкий слой воздушного снега. Что же было с ними обоими, когда они покинули свою рессорную скорлупку, занесённую снегом! Они одни, вокруг ни души, да метель всё свирепее с каждой минутой...

– Да как такое может случиться? Вера, ты что-нибудь понимаешь? – взялся за меховую шапку отец и стащил её с головы, в попытке остудиться. Его лоб стал сильно гореть, дыхание участилось, а лицо покраснело и исказилось какой-то неведомой Вере эмоцией, какую она никогда прежде у него не видела.

– Папа, посмотри, – дрожащим голосом произнесла Вера и окинула взглядом всё, что было вокруг. А вернее, ничего не было. Ни сорока сороков, ни семи холмов – одна равнина, занесённая снегом, как если бы они оказались где-нибудь

на Северном полюсе. Никаких следов от конного экипажа нет и в помине. Из-за метели дальше вытянутой руки ничего не было видно. Со стороны послышался звук, похожий на скрип несмазанных дверных петель. Вера стала вглядываться в темноту, и за снежным занавесом вдали стали прорисовываться еле приметные тёмные очертания небольшой постройки, по форме напоминающей обувную коробку.

Павел Сергеевич и Вера направились напрямиком к ней, высоко поднимая ноги – мягкие рыхлые сугробы местами были в высоту выше колен, из-за чего девочка часто проваливалась по пояс. Лишь поначалу им казалось, что «коробка» эта далека. Не прошло и минуты их пути, как перед ними оказалась дверь, ведущая внутрь небольшого заведения – не то трактир это был, не то кабак, – однако внутри горел свет, было тепло и пахло едой. Первой туда вошла Вера, её пропустил перед собой отец, придерживая обеими руками тугую тяжёлую дверь, которая, приходя в любое малое движение, издавала неприятный громкий скрип. Перед собой девочка увидела стойку, за ней был, видимо, хозяин этого заведения. Мятым желтоватым полотенцем он чистил стаканы и кружки, которые по размеру не уместились бы в обеих ладонях Веры. По правую сторону от стойки находились столы – по сути это были здоровенные перевёрнутые бочки, местами прогнившие, к каждой из которых прилегали ещё по три-четыре бочонка поменьше в качестве табуретов. Вера поспешила занять один из них за пустым «столом», сту-

пив по скрипучему дощатому полу. В трактире было много странноватого вида мужчин, которые регулярно наполняли чем-то свои кружки, громко ругались и стучали кулаками по всему, что попадалось им под руку – порой стучали и по половому, худощавому мальчишке, на вид чуть старше Веры. Впрочем, он привык уворачиваться от мужицких кулаков, потому, видно, работал здесь не первые сутки.

Виделось здесь всё будто в тумане – в воздухе повсюду стояла сизоватая дымка, из-за чего девочка даже не смогла разглядеть папу поблизости. Тогда Вера поудобнее устроилась на низеньком бочонке в ожидании отца, который, как она предполагала, должен был отыскать среди местного люда если не кучера, то хотя бы такого человека, какой смог бы любезно оказать им помощь в такой странноватой, если можно так выразиться, ситуации.

Откуда-то из самого дальнего угла зала до Веры доносилась очень знакомая тихая песня.

«Колыбельная? Здесь? Не может быть! Мне это кажется...» – подумала девочка.

В пространство на уровне глаз Веры приплыло густое облако дыма. Что-то тёмное и непонятное по форме материализовалось из него, но что именно и как – девочка не заметила, поскольку закашлялась от едкого запаха. Когда же она открыла глаза вновь и увидела то, что сидело теперь прямо перед ней, сперва не на шутку испугало её. Вспомнив, что папа где-то рядом, она, впрочем, быстро успокоилась: если

что, он придёт и уведёт её от беды или плохого собеседника.

Однако сейчас на девочку смотрела пара чёрных бусинок. Они въедливо вглядывались в Веру. Девочка с трудом пыталась понять, что же за существо сидит перед ней. Лохматое, чёрное, дугообразным рядом мелких острых клычков раскрывается посреди меховой черноты безобразная улыбка, которая кривится то влево, то вправо, отчего вид существа становится и вовсе неуловимым. Изредка во тьме его пасти мелькал розовый бесноватый язык, с которым оно также словно не могло совладать. Увидев девочку, существо расплылось в ещё более устрашающей улыбке.

– Доброга денёчка-ссс, – прошипело существо. Было полное ощущение того, что будь у него щеголеватая шляпа, при этих словах оно непременно бы франтовски её приподняло, блеснув хитрым глазом.

– Полно, ночь уж наступила, должно быть... стало быть, доброй ночи! – с невозмутимым видом выдала девочка существу в ответ.

«Черняшка», как про себя прозвала девочка собеседника, от такого приветствия оторопел. Не всякий день такие смельчаки с ним беседу затеять горазды!.. Он смотрел на девочку тем же бесноватым, с ноткой искренней заинтересованности, взглядом.

«Ишь, деваха смелая нашлась... по глупости, небось? Аль неужто меня – да не знает? Сей же час как проучу, на век ей оставшийся меня запомнит!»

Существо вмиг сделало сладкие-сладкие глаза, будто пирожных переело и делится остатками, что девочка слегка поёжилась от такой любезности.

В стороне от них мужик в холщовой рубаше пошатываясь походкой подходил к гостям заведения, шептал им что-то на ухо и указывал сальным пальцем на стол, за которым сидела Вера. Те в ответ лишь морщились и отворачивались, а некоторые и вовсе спешно покидали зал. Только слышно было: «Тьфу, бес какой!» Эти слова доносились до Веры. Услышав их, каждый раз она вздрагивала, но упорно продолжала гнать мысли и думала, что это гости злятся на пристающего мужика в холщовой рубаше.

– Так что ж... заплуталис-sss?

Девочка молча кивнула. Она ещё не знала, к чему приведёт этот разговор, и не будет ли отец ругаться за то, что его дочь общается с... в прямом смысле, не понятно с кем.

– Поделитес-sss со мной? – настаивал собеседник. Такая манера разговаривать слегка смешила девочку и она, приободрившись, начала рассказывать:

– С папенькой отправились к маменьке в больницу... плохо ей стало. Карета наша остановилась, вышли мы, смотрим – а вокруг ни души. Да мало сказано! Ни кучера, ни лошадей.

– А что же, значит, вы и кучера потерялис-sss?

– И кучера, представляете! И от лошадок наших ни следа...

– Кучера, положим, не проблема найти-sss... а лошадей?

Могли и убежать-ссс! Не могли ведь они испариться, в самом деле!

Существо засмеялось и заложило лапу за спину. В следующую секунду оно протянуло девочке стеклянную колбу.

– Узнаёте-ссс?

– Отчего же нет, производством таких скляночек папин друг занимается... На днях украшения из стекла заказали впервые, представляете, красота какая? Всё блестит, да росписью поверх переливается...

– Что же это... на ёлку, небос-ссс?

– Верно, на ёлку. А вы будете праздновать Рождество? – девочка с интересом заглянула в тёмные бусинки, всё глубже теперь отчего-то утопавшие в чёрную шерсть. Существо что-то невнятно пробормотало, почти свернувшись в клубок.

«Откуда-то снова стала доноситься знакомая песня», – отметила про себя Вера, незаметно оглядевшись по сторонам одними глазами.

– Что-что вы сказали? – не расслышала Вера. Существо съёжилось в один комок, спрятав и глаза, и рот, и конечности. Через секунду встрепенулось и сказало:

– Что вы меня тут с пути сбиваете-ссс? То есть, я хотел сказать, не даёте мне мысль закончить и перебиваете-ссс! Вы на колбу-то, на колбу ещё раз взгляните-ссс, да повнимательнее, повнимательнее взглянитес-ссс! – и существо снова вытянуло вперёд лапу со стеклянной колбой и помотало ею почти перед самым носом девочки. На дне сосуда что-то дви-

галось. Когда Вера заметила это копошение и постаралась взглядеться, внутри колбы что-то вспыхнуло фиолетовым огнём, забурило и тут же погасло. На дне колбы появилась не то игрушка, не то оловянный солдатик, каких она видела в лавке. В следующий момент какое-то чувство будто бы сжало её сердце в тиски.

– Узнаёте-ссс?

– Я, кажется, будто бы знаю его, он на нашего кучера похож... да только маленький совсем, игрушечный, как солдатик, – девочка ещё раз взгляделась в знакомое лицо в миниатюре, и ужаснулась, разглядев знакомый шрам на лице солдатика, какой был у кучера ещё с юных лет от прежнего барина. – Точно! Это же копия нашего Трофима Ивановича! Как возможно это?..

– Что скажете-ссс про него? Бездушен ли, аль нет-ссс? – прошипело существо, с каким-то особым удовольствием поигрывая мелкой фигуркой в стеклянном сосуде, наклоняя её то в одну сторону, то в другую, от чего та всякий раз заваливаясь на бок и позвякивала о стенки.

– Что вы! Замечательный человек! Потерялся только...

– Да как же потерялся, когда нашёлся! Вот он! Он и есть!

Вера ахнула и закрыла рот ладонью. Такого просто не может быть! Это же просто игрушка!

– Так что же, ни единого проступочка нет-ссс?

Девочка помотала головой, не отнимая руки от лица.

– А слуги ваши-ссс его чем потчевали-ссс перед отъездом,

что с пути свернули да исчезли? Со стыда, быть может?

Девочка молчала. Не потому, что знали за ним какие проступки, однако же была уверена и в горничных, любимой Анечке, старушке няне, и конечно, в дорогом камердинере Парфёне... Да не могло быть такого! Никогда и замечен не был за чем непристойным...

Видя бурю чувств в лице девочки, существо продолжило расспросы:

– А вот что это у вас-sss в руках?

– Кукла... мама подарила, – настороженно произнесла Вера, прижав к груди куклу покрепче. Она тут же забыла обо всех, когда дело коснулось мамы.

– Значит, неживая, стало быть – бездушная-sss... – гордо заявило существо с видом победителя.

– Напротив! – отрезала Вера.

– Не может быть-sss! Поделитес-sss!

– В этой кукле души, быть может, даже больше, чем в некоторых людях, – девочка, в смятении покосившись на собеседника, добавила: – И в существах, стало быть, тоже.

– Очень интересно, продолжайте-sss!

– Ведь мне эту куклу маменька подарила, зачем? Чтобы веселить меня, дарить радость. От этой куклы теплом веет, а значит – душа точно есть! А что неживая – да что поделаешь, живых кукол и нет на свете... – задумалась Вера.

– Резонно-sss! – задумалось пуще девочки существо и насупилось, подперев шерстяной подбородок и почесав мохна-

тый затылок. – А маменька ваша что-ссс? Душу кукле дала, а сама-ссс?..

Сердце девочки в очередной раз сжалось, внутри что-то вспыхнуло огнём, почти как фиолетовая жидкость в той стеклянной колбе пару минут назад.

– Она в больнице! Но обязательно выздоровеет! – вскочила девочка на ноги, повысив голос. Люди в трактире повернулись на возглас, недовольно посмотрели на Веру, а кое-кто покачал головой, нервно переглядываясь со своими спутниками.

– Но отчего, отчего же вы так уверенны-ссс? Что она непременно поправится-ссс?

Вера выдохнула, склонила голову и села обратно на перевернутый бочонок.

– Я в это верю... – сказала девочка и замолчала. По её душе стала разливаться непонятная доселе горечь.

«Надо же, какая девчонка! А ещё она во что верит!? Или... в кого!?» – негодовало существо, свирепо сдвинув брови, пока собеседница сидела с опущенными глазами, теребя кукольное платье.

– Резонно-ссс! – во второй раз выдавило из себя существо любимое слово, придававшее ему, как оно считало, особую деловитость.

– Мы заберём её домой, а там будет лучший уход для неё! Я даже мамины любимые конфеты и сладости приготовила, чтобы ей настроение поднять! Только бы к ней не опоздать...

– опомнилась Вера, покрутила головой в поисках чего-то или кого-то, о ком она уже и думать забыла, как вдруг существо вновь увело её мысли в сторону, а то и за угол.

– Что за сладости-sss? Тоже с душой, выходит, али вкусные-sss?

– Очень вкусные! Я и для папы приготовила в подарок... – девочка вновь что-то вспомнила и начала водить глазами по задымлённому залу.

– А мне никто конфет не дарит-sss!.. – горько вздохнуло существо и от расстройства даже опустило голову.

Вере отчего-то стало его жаль. То куклы у него без души, то люди поголовно, а тут ещё и конфет никто не дарит... почернеешь тут с такой-то тоски!

Существо почувствовало на себе жалеющий взгляд девочки и отвернулось. «Что это со мной такое? Не было вовсе такого, отродяс-sss не было! А веду себя, тьфу! – душевнее некуда!»

Вера залезла рукой в кармашек бархатного пальто. За ней стал наблюдать и Черняшка – внутри у него что-то странно затрепетало. Девочка вытащила что-то круглое в блестящей красочной обёртке.

– Что это такое у вас-sss? – существо стало принюхиваться.

– Берите, это вам.

Существо с подозрением осмотрело маленький предмет на ладони у девочки.

– Оно с душой-ссс? Я такое не ем-ссс!

– Как вам угодно, будет без!

Глаза у существа загорелись. Вера сняла красочную обёртку и небрежно бросила конфету на стол. Та звучно стукнулась о перевёрнутое дно бочки.

– Вот теперь вижу-ссс, без души-ссс! Можно и попробовать-ссс! – довольно прошипело существо, тут же схватило обеими лапами конфету и забросило её в пасть. Пару раз жевнув сладость, существо расплылось в какой-то блаженной клыкастой улыбке: – Прекрасно, прекрасно-ссс! А главное, без души-ссс! Впрочем, вкусно, вы были правы-ссс. Отчего же ваша маменька-то захворала-ссс? Коли такие конфеты кушает-ссс...

– Она не такие, она – с душой, – поправила его Вера.

– А вы в том... уверены-ссс? Быть может, папенька, к примеру, всё же подвёл?

– Да что вы такое!.. Как можно?!

– А слышали ли вы легенду о Скряге-ссс?

Вера заинтересованно поглядела на лохматое существо и помотала головой. И чумазое нечто начало свой рассказ.

Легенда о Скряге

В одном маленьком селе, на самом его отшибе, в доме, со всех сторон света давно поросшем мхом и грязью, жил человек. Имени его никто не знал, но проезжие путники прозва-

ли и дом, и его хозяина кратко и понятно – Скряга. Этот дом на отшибе служил неким символом для тех, кто странствовал, кто искал пристанище среди ночи, да не находил его.

В холодную ноябрьскую ночь один заезжий купчик постучался в двери того дома. Прямо над ним висела огромная белая луна, заливавшая голубоватым светом промёрзшую землю. Почти вплотную приложив ухо к двери в напрасных попытках услышать хозяина дома, он обратил внимание на ручки дубовых дверей: пыль на них лежала ровным толстым слоем, будто масло на куске ржаного хлеба. Купчик разглядел на дверных ручках две круглые точки, обозначавшиеся за счёт меньшего количества пыли, каждая размером с отпечаток пальца взрослого мужчины. Купец ещё раз постучал в дверь и приложил ухо. Вдруг за ней кто-то громко чихнул. Тогда купец в третий раз настойчиво постучал в дверь.

– Да что с вами будешь делать! – прохрипел старик, медленно выказываясь из-за двери, которая почти не открывалась наружу, таща за собой из дома сероватый и истёртый – некогда яркий и цветастый – половик.

– Я уж думал, не откроют мне вовсе, да ночевать в поле с лошадыю придётся!

– Ой, да и не открыл бы я...

– Отчего же? – поинтересовался купец. – Не по-христиански это!

– Да ты вот разок-то постучал. Думаю, ну постучит да уйдёт, как шагов не услышит хозяйских. Я и ждал...

– Да как же так можно? Я ведь и второй раз постучал, потому как не поверил, что этот добрый человек, хозяин единственного дома на отшибе, да не откроет!

– И второй раз не открыл бы! Да вот хворь тут же и взяла. Потом думаю: услышал, али нет?

– Я как ваш чих услышал, сразу уверился, что ещё постучать надобно!

– Вот и я подумал: ишь, настойчивый-то! Ну коль услышал, что хозяин дома, я вот и открыл, а что делать-то было? Деваться-то некуда, а ночь на дворе, всё ж... Хозяин дома пространно вскинул ладонь, показав на небо, сплошь усеянное звёздами. Купец в сердцах тихо произнёс:

– У вас, батенька, гордины – на носочки не встанешь, потолок будет мал.

– Что-что ты сказал, я не расслышал? Глухой стал совсем.

– Так примите ли на ночлег, говорю?

– А что мне с тобой делать, не волкам же оставлять... Проходи, да смотри, у меня свой устав в доме, как у всякого...

Купец согласился, конечно, мол, мне ведь только ночь переждать, а поутру в путь отправляюсь снова, не потревожив хозяина. Так и говорили они на улице, пока купец не протянул руку, чтобы помочь старику раскрыть дубовую дверь наружу.

– Тише ты, куда руки тянешь! Вот – две точки видишь?

– Вижу, – ответил купец, шурясь и вглядываясь в дверную ручку под тускловатым светом луны.

– Вот ровно за них берись пальцами и открывай!

– Ладно, на любые причуды твои соглашусь – уж больно с дороги устал, спать хочется смертельно! Да, вон и лошадь моя... – кивнул купец, опомнившись, в сторону покосившейся щербатой оградки, за которой смирно ждала гнедая, запряжённая в повозку.

– Э-не! Это уж ты сам, брат, разбирайся, сена не держу, чай не постоянный двор. А не нравится чего – так я и не держу.

Согласился купец, делать нечего. Рядом с домом небольшой загончик оказался, привёл он свою лошадку, привязал, по носу погладил, пообещался в сохранности сберечь и следить, чтобы какой волк не потревожил... Гнедая зафыркала, выпуская пар из круглых ноздрей, вверяя свою судьбу хозяину. А под копытами у неё травка некошенная оказалась...

После зашёл купец в дом старика, взявшись двумя пальцами за ручку двери, попав аккурат в те две точки. А внутри дома хуже, чем снаружи, – разве только мох не растёт.

– Ты что скривился так? Аль не нравится тебе у меня?

– Что ты, отец! Не видывал я такого сроду, вот и дивлюсь. Уж не серчай... – раскинул руками купец.

– Да вижу я, недавно ты тут, нездешний совсем. Иной мой дом-то стороной обошёл бы.

– Не по пути им верно было, кто бы отказался у вас погостить?

– Ты смеёшься верно? Помни, я не держу.

– Да что вы заладили, «не держу» да «не держу». Скажите

лучше, принято ли в вашем доме гостя чем-нибудь попотчевать? Стол накрыть? Я наперёд интересуюсь...

– Видишь сервант?

– Вижу.

– Так узри же на нём и пыль!

– А тарелки что ж? Сервиз? Вижу, ведь всё есть! И стол в комнате стоит... Накрытый!

– Много ты видишь, я погляжу! Жена моя лет двадцать назад как душу Богу отдала, так я и не трогал ту скатерть, так и лежит. Куда мне её теперь девать прикажешь?

– Так что ж теперь без жены пылью порастаи да в грязи закопаться?

– Дак ведь и я думаю, чего понапрасну пыль стирать? Детей у меня нет, никто не заезжает...

Старик закашлялся, открыв стеклянную дверцу, за которой посуда стояла. Хотел было достать чего-нибудь для купчика, да из рук всё вон и посыпалось... Звон раздался страшный. Куски фарфора разлетелись по деревянному полу. Купец ахнул и присел было собирать осколки воедино.

– Пусть валяется, неча убирать. Ты с утра уедешь, да забудешь про меня... А мне что валяется, что не валяется... Всё едино. Помирать мне скоро. Так не всё ли равно...

Жалко стало купцу старика. Про себя он уже точно решил, что на обратном пути снова заедет его навестить. Купец той ночью почти что не спал вовсе. Старик бродил из комнаты в комнату со свечой в руке, да скрипел половицами. Гость

вышел к нему среди ночи, да разговор с ним затеял. О жизни его былой, о семье...

– Хороша ли жена ваша была? Любили её?

– Жена-то хороша была, а я...

Старик осёкся и замолчал. Он произнёс страшные слова, в которых ненароком сам себе признался. Купец разглядел в его лице страшные муки, которые словно выползли наружу. Слезами наполнились выцветшие глаза с нависшими, словно пустые мешки, морщинистыми веками.

– Вам... быть может, поговорить о чём-то надобно? – спросил старика купец, чувствовавший необходимость собеседника выговориться ночному гостю. Не каждый день люди сюда заезжают, и поговорить даже не с кем.

Поведал старик купцу свою историю. Захворала как-то жена его, и, хотя молода была ещё совсем, измучилась от болезни, исхудала страшно, да и вскоре померла. Резко закончился его рассказ.

– Умалчиваете вы что-то от меня... – проговорил купец, задумчиво потирая подбородок.

– Э-эх! Нечто не понимаешь! Волю я её не выполнил... – закрыл лицо руками старик.

– Какую же? Быть может, ещё можно что-то сделать? – спросил купец.

– Какое там! Ну, слушай... при жизни ещё долго жена моя просила купить ей жемчужное ожерелье взамен потерянно-му. Одну проклятую побрякушку! А я не купил, не пода-

рил ей... Нет, не могу, купец, стыдно мне и рассказывать о таком! – прервал рассказ старик и вновь закрыл своё лицо костлявыми иссохшимися ладонями.

– А вы мне... расскажите, как на духу. Я ведь поутру уеду... может, и не свидимся больше, – пошёл на хитрость купец.

– Ай! Бог с тобой! Пожалел я ей денег на то ожерелье! Пожалел, понимаешь?! И теперь я всю жизнь свою убогую жалею! Не себя жалею, её, душеньку мою, загубленную мою, жалею!.. – заплакал старик, – И померла она вскоре!

– Как, померла? Ещё ведь здоровой просила купить?

– Здоровой просила, верно говоришь! Да потом заболела, чахнуть стала на глазах... А я, дурень старый, стыдно и говорить такое – чего, думаю, покупать, раз больна уже и доктора не обнадёживают?..

Зарыдал старик страшно. Ударился острым лбом в грудь купцу и плакал горько, как дитя, сотрясаясь плечами. А тот обнял его, как сын отца.

Когда же старик перестал плакать, то произнёс:

– Так что нет у меня более человека, который бы меня понимал...

Жалко стало старика, однако ж поутру купцу нужно было ехать дальше. Перед отъездом своим наказал старику, чтобы тот успокоился, да доживал свои дни со спокойной душой и без лишней мучений, ведь покаялся он искренне. Попросил он его к следующему приезду и скатерть ту убрать, и пыль...

А старик показал купцу на холмик, неподалёку от дома, где жена его похоронена, и снова слезу обронил. Обнял его купец да отправился в путь.

Когда же возвращался он обратно, с мешочком бархатным в руке, внутри которого что-то тихо звенело, заехал снова он в тот дом. Хотел было открыть дверь, как полагалось, взявшись пальцами за две точки, где пыли поменьше... а ручка блестела чистотой. Удивился купец, толкнул дверь в дом, окликнул старика. Но никто ему уже не ответил. Прошёл он по половицам скрипучим, заглянул в комнату, где стол стоял. А за ним сидел старик, подперев голову, и свеча перед ним – сгоревшая до середины и потухшая, очевидно, уже давно. Скатерти на столе не было, зато была записка. На смятом желтоватом клочке бумаги кривым почерком выведено: «Если не дождусь я, прошу тебя как сына – похорони с женою рядом. Пусть хранят тебя те силы, в которые ты веришь, и заставил поверить меня».

Купец сперва подумал, что хозяин заснул. Но подойдя ближе понял, что старик сидит в неестественной позе, голова его опущена и чуть повёрнута, а подбородок опирается на кулак.

Похоронил купец старика, не только как тот попросил, но и как полагается, а более того – положил к ним с женой мешочек, который торопился привезти старику, да не успел. В холщовом мешочке том звенело жемчужное ожерелье – то самое, какое желала иметь покойница.

Возвращался в дом старика купец часто, когда путь его пролегал мимо того села – стал он ему ночлегом. Не забывал и за могилками смотреть. Пока однажды не пришли сюда недобрые люди, да дом не сожгли. Был он ветхим, сухим, потому сторел как свечка – за считанные мгновения. И казалось купцу, будто вся та история про старика-скрягу и жену его привиделась ему однажды, как во сне. И когда он проезжал мимо тех мест, ныне вовсе пустынных, напоминал ему о тех людях один лишь только холмик. А сейчас и его никто не найдёт – весь порос высокой травой.

Закончив свой рассказ, чёрное существо выдохнуло и поглядело на Веру, в ожидании её реакции. Девочка сидела с открытым ртом, округлившимися от ужаса глазами и изредка хлопала ресницами. Казалось, она забыла, как дышать. Наконец она заговорила, всё ещё немного заикаясь от страха:

– Так... в чём же дело? Мон рара совсем не таков...

– Известно, в чём-ссс! Проживи жена у такого скряги ещё пяток лет, покрылась бы пылью ровно так же, как и тот несчастный сервант-ссс!

– Отчего же?! – ужаснулась девочка, чуть не выпустив из рук куклу.

– Известно отчего-ссс! – Черняшка с хрустом надкусил появившееся из ниоткуда в его мохнатой лапе бледно-зелёное яблоко, на вид какое-то сморщенное и испещрённое чёрными точками. – Чтобы пылью не покрываться-то, что де-

лать надобно? Переодеваться, платья менять. А скряга жене своей ничего не покупал, да вот и не было-то у неё никаких платьев, кроме двух – затёртых, выцветших, сшитых из третьего, отчего куски платья местами неровные. А для женщины самое главное-то в жизни – не покрыться пылью! Ни до, ни после женитьбы. Главнее нет, и точка! А с таким-то мужем, можно ль разве в тот же сервант не превратиться?

Девочка промолчала в ответ.

– То-то же!

Он хрустнул яблоком в последний раз и выбросил огрызок за пазуху. Тот испарился в воздухе прямо во время полёта. Однако мужик в холщовой рубахе, сидящий за соседним столиком, увидев летящее в него яблоко, успел от него уклониться. Каким-то нечётким движением руки он отмахнулся, затем, пошатываясь, встал, вытянулся в полный свой рост, и заревел страшные ругательства.

Вера вздрогнула. Мужик чуть не накинулся на неё с кулаками, но девочка успела отпрыгнуть. Его тут же схватили подбежавшие хозяин трактира вместе с половым – кто за плечо, кто за руку.

– Да ты напился до чёртиков! – крикнул трактирщик, унижая гостя, который продолжал ругаться, тыкать куда-то в воздух пальцем и ища какой-нибудь предмет, чтобы кинуть. Наконец, что-то попало ему под руку...

Черняшка тут же вскочил – прямо у его ног разбился на крупные осколки прилетевший откуда-то глиняный кувшин.

Вместе с Верой они что есть мочи выбежали из трактира и оказались на снегу, по колени в сугробе. Девочка хотела было вернуться обратно, чтобы отыскать папу, но чёрное существо рядом быстро с ней стало взмахивать руками то влево, то вправо, наклоняясь в разные стороны всем корпусом, словно пытаясь поднять, вздыбить в воздух сугробы. И вправду – снег в тот же миг стал вздыматься от земли всё выше и выше, окутывая их своим холодным колючим вихрем, поднимая полы её бархатного пальто и сдувая ветром накидку кверху.

И всё вокруг стало до того бело, что в глазах у Веры потемнело. Пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, девочка поняла, что потеряла куклу, оставив её в трактире. Но в голове всё ещё гремел звук разбитого кувшина и то, как по деревянному полу сметают в одну кучу его глиняные осколки... Вера в ужасе прижала к ушам замёрзшие ладони, но шум этот всё нарастал и нарастал. Девочка заплакала, не в силах больше его терпеть и стала звать отца, надеясь, что он найдёт её здесь, в этом снежном вихре. На секунду ей показалось, что к ней пытается подойти чёрная высокая тень. Тёмный силуэт своей фигурой напомнил ей маму. Показалось даже, что в руках эта тень держала потерянную куклу, и словно пыталась отдать её Вере, протягивая к ней свои тонкие руки... Снежный вихрь становился всё сильнее. Вскоре девочка упала без чувств, успев понять, что больно ударилась обо что-то.

Вокруг послышались чьи-то шаги, глухо звучало чьё-то неловкое бормотание. Перед глазами всё было расплывчато и полностью открыть их не получалось. В очередной попытке девочка разглядела перед собой знакомые черты.

– Ой! Трофим Иванович... как хорошо, что ты нашёлся... а лошади что же? А папа... где папа?! – произнесла Вера, оглядываясь. Сил у неё не было, всё тело ватное. Девочка заметила, что в окно её комнаты уже светило полуденное зимнее солнце.

– Девочка, милая, как же ты так! Успокойся, все мы здесь, дома, всё хорошо. Я почти было вышел на улицу, когда услышал грохот из твоей комнаты и первым прибежал к тебе, а ты тут, на полу, с постели, видно, упала... Папа сейчас придёт, он с мамой, всё в порядке, ты успокойся, хорошая! Сейчас я помогу тебе... – напуганный кучер взял хрупкую девочку на руки и положил обратно на кровать, намочил тряпку в тазике с водой и положил ей на лоб. – Да у тебя сильный жар, девочка! Я сейчас же пойду за Павлом Сергеевичем.

Кучер хотел было уйти, но услышал простуженный голос девочки:

– Трофим Иванович, подожди... Я хотела сказать...

Кучер остановился и подошёл к Вере.

– Трофим Иванович, присядь, пожалуйста...

Трофим Иванович слегка опешил, но просьбу девочки выполнил. Вера попыталась привстать на кровати и протянула пальцы к лицу кучера. Она аккуратно провела рукой по

шраму над его бровью. Кучер вздрогнул от неожиданности и смутился. Этот недостаток на лице сопровождал его везде и всюду, напоминая о той прошлой жизни, которую он постоянно пытался забыть.

– Как хорошо, что ты нашёлся, Трофим Иванович! А что же лошади...

– Какие лошади? Я и не терялся, маленькая госпожа, что это вы такое говорите? Неужто и вправду ничего не помните...

Девочка медленно помотала головой. Голова гудела под холодной тряпкой. Кучер рассказал ей, что они доставили из больницы домой Анастасию Фёдоровну, что на обратном пути заехали в «Эйнемь», потому что Вера сквозь сон настойчиво твердила что-то про конфеты для какого-то «Черняшки», а потом и выяснилось, что простудилась – наверное, слишком легко была одета. Но конфеты всё ж на всякий случай прикупили, так что теперь они лежали в столовой и ждали своего часа. По приезде отец отнёс спящую Веру на руках в её постель. У девочки уже начинался жар.

В комнату к Вере зашёл Павел Сергеевич. Кучер удалился, распрощавшись. Девочка подскочила, чтобы обнять папу, но тот строго произнёс:

– Вера, тебе нельзя вставать! У тебя жар. Мама и без того недовольна, что я взял тебя с собой в такую пургу.

– Мама! Она здесь? Я могу её увидеть?

– Она только что уснула. Да, мама теперь дома, с нами.

Она ведь была у тебя, когда ты спала. Напевала тебе колыбельную тихонько... Видно, ты спала так крепко, что не слышала.

«Колыбельную! Так вот что я слышала тогда...» – вздрогнула девочка.

– Мама ещё куклу у тебя взяла на время – сказала, что нужно подшить её порванное платье, – предупредил Павел Сергеевич.

Вера ещё раз ахнула, вспомнив тёмный женский силуэт.

– Как она себя чувствует? Мама выздоровеет?

– Доктор сказал, что дома и стены помогают, значит, можно надеяться. Это удивительно, но как только мы выехали из больницы в сторону дома, мама сказала, что ей становится лучше! Я сперва не поверил ей, ведь прежде её состояние ухудшалось, поэтому пришлось ещё раз позвать доктора к нам сегодня утром, и он тоже подтвердил улучшение, хотя и был удивлён!

Вера улыбнулась. Она знала, что это её молитва подействовала. Детская молитва. Всё как Анечка говорила.

– Только вот теперь ты у нас заболела... – раздосадованно покачал головой Павел Сергеевич.

– Это ничего, папа, я скоро поправлюсь, правда!

– Ну хорошо, хорошо, дочка, выздоравливай. Ой, да ты ведь не знаешь последние новости!

– Какие новости, папа? – оживилась Вера.

– Вся Москва на ушах – сегодня в ночь пропала графиня

Данилевская.

– Как пропала?! Не может быть! – подскочила на кровати Вера.

– Её супруг сообщил мне об этом буквально пару часов назад. Вчера они имели салон (ты помнишь, я был приглашён, но отказался), где всё же устроили спиритический сеанс... Что уж там произошло, одному Богу известно, да только графиню после сего действия никто из гостей так больше и не увидел. Сам же граф беспокоится теперь и за свою жизнь, он думает, – что жену похитили, а значит, и за ним придут. Он уже обратился в полицию.

– Папа, не ходи к ним больше, я боюсь! Какой уж...

Ответ Веры прервал до боли знакомый звук. Снова, снова этот противный звук! Отец выбежал в столовую и на полу увидел разбитый на крупные куски графин. В комнате кроме него больше никого не было. Взгляд Павла Сергеевича приковало ещё одно странное обстоятельство – конфеты на столе. Вернее, их отсутствие. На белой скатерти, разбросанные в разные стороны, лежали измятые обёртки.

– Аня! Аня, иди сюда! – крикнул Павел Сергеевич.

На непривычно громкий голос хозяина дома прибежала испуганная горничная. Её глаза расширились, когда взгляд упал на скатерть, усыпанную мятыми бумажками.

– Павел Сергеевич... я только недавно к обеду... Что же это?.. – растерянно приложила ладонь к дрожащим губам Аня, – Не может же... здесь только Трофим Иванович был,

недавно вышел...

Горничная продолжала что-то говорить, но Павел Сергеевич уже не слушал. Он прекрасно понимал, что ни горничная, ни кучер, ни камердинер, ни, конечно же, Верина няня не могли такого сделать.

«Чертовщина какая-то, прости Господи!» – подумал про себя Павел Сергеевич и поспешил успокоить Аню, которая уже начала было плакать от непонимания и страха, которого никогда прежде не ощущала в этом доме.

В столовую босиком зашла Вера.

– Ты что, болеешь ведь! – подошёл к девочке отец и поднял её на руки. Горячими ладонями он стал греть её маленькие ступни.

– Что тут произошло, Аня? – спросила Вера, глядя на взволнованную горничную.

– Послушай, мы пришли сюда, здесь никого не было... одни обёртки от конфет, представляешь? – сказал Вере папа, пытаясь посмеяться над этим странным фактом.

– Но кто-то ведь и графин разбил, Павел Сергеевич... – утирая платком слезинки, промолвила Аня.

– Это Черняшка! Точно, это Черняшка приходил! Это он съел все конфеты... просто без души! Они ему понравились! – воскликнула Вера. Её сердце затрепетало от невозможности и неожиданности происходящего. Аня удивилась ещё больше и испуганно посмотрела на Павла Сергеевича.

Отец ничего из слов дочери не понял, но тоже опешил.

– Аня, подумай только, Вера опять про какого-то «Черняшку» говорит! – с негодованием в голосе произнёс Павел Сергеевич. – А что без души-то, это и я вижу... Собака что ли какая у нас тут спряталась, а я не знаю? Пойдём, Вера, я уложу тебя, твой лоб ещё горячий, – обеспокоенно проговорил отец, прикладывая губами к голове дочери. Затем обратился к горничной:

– Аня, убери здесь, пожалуйста. И позови Парфёна отобедать с нами вместе.

Так закончилась эта история, случившаяся перед самым Рождеством.

Исчезнувшую после спиритического сеанса графиню Данилевскую жандармы искали несколько дней к ряду и обнаружили её на окраине города, в ветхом заброшенном доме. Женщина почти ни на что не реагировала и вовсе не помнила, как оказалась там. Её лицо было измазано не то сажой, не то золой, а на платье местами болтались ошмётки разорванной ткани. Испуганная графиня, продрогшая на сыром деревянном полу, обхватив колени, лишь повторяла фразу про какое-то «чёрное клыкастое чудовище». Позже полицейские составили портрет предполагаемого преступника по описанию графини, но, конечно же, никого найти им так и не удалось. С тех пор спиритические сеансы в салоне Данилевской прекратились, и впредь строго пресекались любые попытки к их проведению, и не в последнюю очередь самим графом,

который с некоторых пор полностью поседел – говорят, после того, как по возвращении домой его супруга поведала свою историю о её похищении и о том, кто это сделал. По Москве прошли слухи, что графиня тронулась умом.

Анастасия Фёдоровна, мама Веры, к весне совсем выздоровела. Она прожила долгую и хорошую жизнь, несмотря на хронический недуг. Анастасия Фёдоровна прочитала Вере вслух ещё десятки книг на ночь, провела с ней множество прогулок в приусадебном парке, наконец – увидела и свадьбу дочери.

И часто после ухода матери в глубокой старости и в окружении родных ей людей, Вера вспоминала ту пургу и метель, в которую они с отцом отправились когда-то из дома к маме в больницу, и о тех странных событиях, произошедших после.

Она вспоминала о той страшной и необъяснимой силе, которая оставила ей надежду на что-то более высшее и совершенное, чем сам человек: это безбрежная любовь, бескрайняя надежда и один бесконечный на всю Вселенную – Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.